

: Изд-во АН СССР, 1978. – С. 54–68.

10. Сукаленко Т.М. Гендерні стереотипи жіночності: проблеми вивчення / Т.М. Сукаленко // Вісник Черкаського університету. – Серія «Філологічні науки». – 2009. – Вип. 169. – С. 59–65.
11. Трофимова О.В. Публицистический текст. Лингвистический анализ : учеб. пособие / О.В. Трофимова, Н.В. Кузнецова. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 211 с.

УДК 81'233

ОВЛАДЕНИЕ РЕБЕНКОМ РАННЕГО ВОЗРАСТА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ МОДЕЛЯМИ (на материале лонгитюдного исследования)

Марина Елисеева
(Санкт-Петербург, Россия)

У статті проаналізовано всі словотворчі інновації, вилучені із щоденника однієї дитини з моменту виникнення першої інновації в 1,9 і до трьох років. Розглянуто перші моделі, якими оволодіває дитина до двох років, – деминутиви й присвійні прикметники. Встановлено, що кількість відсубстантивних оказіоналізмів переважає над девербативами. Проаналізовано всі способи утворення інновацій і розподіл частин мови як твірних, так і похідних слів.

Ключові слова: словотворчі моделі, інновації, мова, оволодіння дитини мовою.

В статье анализируются все словообразовательные инновации, извлеченные из дневника одного ребенка с момента возникновения первой инновации в 1,9 и до трех лет. Рассмотрены первые модели, осваиваемые ребенком до двух лет, – деминутивы и притяжательные прилагательные. Установлено, что количество отсубстантивных окказионализмов преобладает над девербативами. Проанализированы все способы образования инноваций и частеречное распределение как производящих, так и производных слов.

Ключевые слова: словообразовательные модели, инновации, речь, овладение ребенка языком.

All word-formative innovations in the speech of the child has been investigated in this paper (from the moment of creation of the first innovation in 1, 9 to 3 years old). The first derivative models before 2 years are examined – diminutives and possessive ajectives. It is established that quantity of innovations formed from the nouns prevaile over innovations formed from the verbs. All ways of word-formation and distribution of parts of speech of produced and derivative words has been analysed.

Key words: *word-formation model, innovations, speech, mastering language by a child*

Постановка проблемы. Словообразовательная модель – это, в понимании многих лингвистов (Л.В. Сахарный, С.Н. Цейтлин, Е.С. Кубряковой) – схема строения производных слов. Последовательность усвоения ребенком различных словообразовательных моделей обусловлена их формальными и содержательными особенностями. С.Н. Цейтлин указывает следующие факторы, способствующие раннему онтогенетическому освоению словообразовательных моделей: 1) качество модели, которое можно назвать «морфотактической прозрачностью» (по Дресслеру), выявляемое в четкости формального членения, связанной с отсутствием или предсказуемостью чередований на морфемных швах, неподвижностью ударения при переходе от производящей основы к производной; 2) регулярность словообразовательных типов, представляющих собой реализацию данной модели; 3) распространенность в воспринимаемой ребенком речи производных, по данной модели построенных, слов; 4) широкая употребительность производящих слов, являющихся источником деривации [5, с. 301]. Рассмотрим, какие модели осваиваются Лизой Е. до 3 лет, располагая наш материал в той же последовательности, которая соблюдается в монографии С.Н. Цейтлин.

Актуальность исследования. Значимость освоения словообразовательных моделей при овладении ребенком языком подчеркивается многими авторами. Формирование правил деривации – важный период онтогенеза речи. Деривационные отношения между словами – одно из важнейших проявлений системности языка, отраженных в идиолекте его носителя.

Анализ предыдущих исследований и публикаций по теме. Подробный обзор исследований, посвященных детскому словообразованию, представлен в указанной книге С.Н. Цейтлин [5, с. 291-326]. Рассмотрены исследования, основанные на наблюдениях над спонтанной детской речью, а также обобщение результатов психолингвистических экспериментов (Л.И. Гараева, К.В. Гарганеева, А.Н. Гвоздев, А.В. Захарова, Е. Кларк, Е.С. Кубрякова, Т.А. Мехович, В.К. Харченко, Г.А. Черемухина, К.И. Чуковский, А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева и др.).

Цель статьи – изучение первых словообразовательных моделей в речи одного ребенка, их классификация с учетом типа заполняемой детским словом языковой лакуны (абсолютная или относительная), способа словообразования, частеречной принадлежности производящего и производного слов, направления деривации (прямое, обратное, заменительное).

Изложение основного материала. В речи Лизы от 1,9,1 до 2 лет зафиксировано 17 словообразовательных окказионализмов, от 2 до 3 – 65; итого – 82. При этом отглагольных дериватов более, чем в два раза, меньше по сравнению с субстантивными (21 и 54 соответственно); лишь один случай отадъективной и два – отмеждоментной деривации. Подавляющее количество

примеров – случаи прямого словообразования; но появляются первые случаи обратной (десуффиксации – 3) и заместительной (3) деривации.

Производные слова относятся к трем частям речи – существительным (32), глаголам (21) и прилагательным (29), то есть на начальных этапах словообразования есть некоторый баланс в возникновении слов, относящихся к основным знаменательным частям речи. Подавляющее количество инноваций образовано суффиксально (57, из них 23 существительных, 29 прилагательных и 5 глаголов); сюда же примыкают 3 случая десуффиксальных существительных. Всего три глагола образовано с помощью прибавления префикса и три – путем замены. Однако очевидно, что префиксы и постфиксы постепенно осваиваются ребенком: глаголы образуются также постфиксально (3) и префиксально-постфиксально (7). Есть один случай префиксально-суффиксального образования существительного. Кроме того, существительные образуются путем сложения слов (6).

Большая часть словообразовательных инноваций в речи Лизы заполняет абсолютные языковые лакуны (69), и только небольшая часть – относительные (13): *дедин, бабин, собакин, котиный, воронин, мукает, мияет, бояшка, спанья, свернать, бананный, носастый, нарисовался*. Некоторые окказионализмы совпали с узуальными словами, при этом значение сконструированного ребенком слова и существующего в языке (в том числе просторечного) могут отличаться (*мамка, папка¹, нарезалась, напищалась²*) и совпадать (*нарисовался, катальная, бегучая*).

Отглагольная деривация. Суффиксальные существительные, прилагательные, глаголы (8). С.Н. Цейтлин отмечает, что «отглагольные дериваты абсолютно преобладают среди детских словообразовательных инноваций, что объясняется прежде всего тем, что связь с действием — наиболее очевидный для ребенка признак явления, который часто оказывается положенным в основу его номинации» [там же: 327]. Однако в речи Лизы от 2 до 3 зафиксировано лишь 8 отглагольных окказионализмов, образованных путем суффиксации, что свидетельствует либо о более позднем освоении этой модели, либо об индивидуальных особенностях усвоения языка данным ребенком.

Хотя, как совершенно справедливо указывает С.Н. Цейтлин, «ребенок отнюдь не на ранних стадиях речевого развития начинает употреблять и продуцировать синтаксические дериваты, поскольку в первую очередь овладевает первичными функциями частей речи (каковой для существительного является значение конкретного предмета) и лишь значительно позднее — вторичными функциями, в которых выявляется асимметрия языкового знака» [там же: 330], в речи Лизы уже есть первый синтаксический дериват – слово с самым частотным в детской речи суффиксом –НИЈ- – *спанье* – единица, заполняющая относительную языковую лакуну (ср.: сон).

¹ В разговорной речи слова *мамка* и *папка* звучат грубовато-пренебрежительно – в детской речи этого оттенка нет.

² Ср.: «**Напищалась** она, наплакалась вволю и, продолжая ещё скулить от возмущения, приступила к генеральной уборке в детской» (Я. Грабовский. Муха с капризами. Пер. Б. Заходера).

В речи Лизы встретился лишь один пример, созданный по модели, не упоминаемой в книге С.Н. Цейтлин, – существительное со значением ‘субъект действия’ с суффиксом -ШК-: Лиза говорит о себе бояшка.

Следующий пример интересен тем, что существительное со значением единичности образовано от глагола: *поджаринка* (о кусочке жареного лука) – такая модель не зафиксирована в «Русской грамматике».

«Среди окказиональных отглагольных прилагательных, образованных детьми, абсолютно преобладают слова со значением ‘предназначенный для действия’», – пишет С.Н. Цейтлин [там же: 343]. В речи Лизы это два прилагательных – *гуляльные* (о колготках), *катальная* (о горке) – с суффиксом -ЛЬН-. При этом первое слово, как отмечается в дневнике, возможно, из речи бабушки, а второе совпало с нормативным: катальные горки представляют собой украшение некоторых наших старинных парков. Кроме того, присутствует девербатив со значением ‘являющийся субъектом действия’ с суффиксом -УЧ-: *бегучая* (о себе), ср.: в норме это слово не употребляется в сочетании с одушевленными существительными, и вообще, по-видимому, используется только в контекстах, связанных с водой (*вода, ключ* и т.п.).

Среди суффиксальных глагольных образований в книге С.Н. Цейтлин отмечены две разновидности – 1) суффиксальная имперфективация и 2) образования с помощью форманта -НУ-/-АНУ- со значением одноактности. Оба случая есть в речи Лизы: *свернаю* (вместо нормативного *сворачиваю*) – имперфективация с помощью суффикса -А – и *глотануть/глотанет, глотанул* – трижды употребленный в разных формах окказиональный одноактный глагол.

И, наконец, есть случай двухшаговой комбинированной деривации, при которой заменительная сочетается с прямой: *постелить – отстелить – отстеливать*: Снимаю красивую скатерть со стола: *Не надо отстеливать*.

Префиксальные глаголы (4). «Префиксация распространена в детской речи необычайно широко, что объясняется, очевидно, «перцептивной выпуклостью» приставок, облегчающих их выделение в составе нормативных дериватов и соответственно овладение словообразовательными моделями префиксального типа», – считает С.Н. Цейтлин [там же: 346]. Однако, поскольку в целом девербативов в речи Лизы в этом возрасте еще немного, мало и префиксальных глаголов: лишь два глагола с префиксом ЗА- со значением начинательности, совмещающем начало и продолжение действия: *заскакал, замчался*³.

По окказиональной модели образован глагол *промоешь/промою*, имеющий значение «пропустить из-за мытья»: Моем с Лизой пол. Я говорю, что надо заканчивать: скоро «Спокойной ночи, малыши». Она отвечает: *А то ты промоешь малышей*. После передачи: *Я теперь не промою малышей*.

Постфиксальные глаголы (3). Три постфиксальных глагола демонстрируют две «возвратных» модели: 1) общевозвратное – *нарисовался*: *Галстук нарисовался*, причем получившееся слово совпало с нормативным в значении «стал нарисованным» (Ср.: *Нарисовалась бревенчатая изба с тремя*

³ О бегущем таракане: о мяче – *закакау* (заскакал) (2,1,1); *Замтяйся*. – *Помчался*. – *Памтяйся* (2,3,19).

оконцами по фасаду, косматое дерево у калитки, похожее на перевернутый веник. Ничего больше не придумав, я потянулся и вложил эту неказистую картинку в руки Копешкина. Евгений Носов); *погладился* (гладила кота, потом говорит: *Котик погладился!*); 2) активно-безобъектное – *гладится*. О коте: *Как он ласково меня! Он гладится!*

Префиксально-постфиксальные глаголы (6). С.Н. Цейтлин отмечает, что «число окказиональных дериватов, образованных префиксально-постфиксальным способом, весьма значительно» [там же: 360], и первым среди наиболее активно используемых указывает формант НА-+СЯ-, служащий для образования дериватов, объединенных значением ‘дойти до удовлетворения или пресыщения в результате совершения действия’; в речи Лизы – 3 примера: *наехались, напищались* (наигралась на дудочке), *нарезалась* (резала ножом картошку. Например: *Едут на троллейбусе эти мишутки. Вай, мишутки наехались⁴ на троллейбусе.*

«Самая продуктивная из префиксально-постфиксальных моделей из числа активно используемых детьми – модель с формантом РАЗ- / -СЯ, по которой образуются дериваты со значением ‘достичь большой интенсивности в совершении действия’» [там же: 361]. В речи Лизы есть 2 глагола, образованных таким способом, но, похоже, значение модели еще не освоено ребенком – только форма: *Развиселся клоун* – большой тряпичный клоун висит на гвозде в кухонном дверном проеме; *На полу книжка распадалась*. Необычно звучит слово *заторчался*: *Этот монстрик заторчался* – т.е. застрял. Однако в «Русской грамматике» отмечается продуктивность такой модели: «Глаголы с префиксом ЗА- и постфиксом -СЯ имеют значение «в течение длительного времени совершить действие, названное мотивирующим глаголом, целиком погрузиться в это действие; увлечься, утомиться» (ср. забегаться, заслушаться, зачитаться» [4, с. 386].

Случай **отадъективной деривации (1)** в речи Лизы всего один – прилагательное с уменьшительно-ласкательным суффиксом – *мягкенький*.

Отсубстантивная деривация. Суффиксальные и десуффиксальные существительные (20+3). До 2 лет в речи Лизы появляются диминутивы существительных с суффиксами -ЕНЬК-, -ЕЧК-/ОЧК, -ЕК-, -ИК-: 6 слов до 2 лет и 4 – после: *моржок, дедушку Морозика, муми-тролльчик, кашенька* (о кусочках пенопласта).

С.Н. Цейтлин пишет о широкой распространенности в речи детей окказиональных сингулятивов [там же: с. 391] – первые из подобных образований встречаются в речи Лизы, причем в двух значениях:

1) предмет (небольшого размера), имеющий отношение к другому предмету, являющийся частью другого предмета: *Одну мясинку* – о кусочке мяса; 2) *бобинки* – значение единичности здесь совмещается со значением уменьшительности: положила семена бобов в коляску, «укладывает спать». Потом говорит: *Вылезайте оттуда, бобинки.*

⁴ Т.е. «наездились». Ср. В блатной песне: «Я на него наехался немного».

До двух лет в речи Лизы было 3 существительных с суффиксом -К: *мамка, папка, Зюмка* (о себе), аналогом для которых, вероятно, послужили разговорные образования типа *Лизка*.

В речи детей широко представлены дериваты со значением невзрослости – у Лизы есть один такой пример – *бычонок*. Окказиональное слово, заменяющее собой нормативный супплетивный вариант (теленок), образовано от наименования самца – по нормативной модели.

Актуальным для ребенка в этом возрасте было значение увеличительности, передаваемое либо с помощью суффикса -ИЩ- (*коробища, малинища*), либо **десуффиксально** – 3 слова: *лягуша, кровата, киста* (от кисточка). Контексты мы не приводим в целях экономии места: они однозначно указывают на значение увеличительности. Неясно значение слова *лягушатина* – похоже, что этот суффикс использован здесь как знак экспрессивности: *лягуша, лягушатина*.

Ближе к 3 годам ребенка начинает больше интересовать категория рода, и появляется окказионализм с суффиксом -ИН-: *Такая была носорогиня – просто ужас!* - о гусенице-носороге.

Суффиксальные прилагательные (25). Уже в 1,10 в речи Лизы появляются слова субстантивно-адъективного класса со значением ‘принадлежащий тому, кто назван производящим словом’, служащие для выражения так называемой индивидуальной принадлежности. До 2 лет таких слов – 8 (*апкин, бабина/ бабин, дедина, конин, братин, сумочкин, братикин/а/ы, собакин, котикин*); от 2 до 3-х – 13: *куклина/не куклин, Пухину, кенгурёнкин, слоникин, машинкин, монстрикина, бутылкина/о полотенешко/ соска, мальчикина, зебрина, бегемотина, воронин, Пумапухина – Винни-Пухина, Пифина*. Наибольшее количество инноваций построено именно по второй из указанных моделей – причина кроется не в распространенности ее в инпуте, но в значимости для ребенка конкретных слов, являющихся образцами для построения окказионализмов: мамин, папин, Лизин, Лешин. Суффикс -ИН- используется ребенком не только при образовании слов от существительных 1-го склонения, но так же свободно – и от 2-го, что в целом характерно для детской речи.

Модель с суффиксом -ИН(ЫЙ) служит для образования дериватов со значением ‘свойственный предмету’, и в качестве производящих в нормативном языке выступают зоонимы – так же происходит и в речи Лизы: *котиный* (об игрушечном спальнике).

С.Н. Цейтлин отмечает, что модель с суффиксом -Н- отличается необычайно высокой продуктивностью в детской речи и характеризуется богатством частных словообразовательных значений, представляющих собой конкретизацию общего значения отношения к предмету. В речи Лизы – 2 прилагательных, имеющих такие значения: ‘являющийся частью того, что названо производящим существительным’ (*бананная* – о коже банана) и ‘предназначенный для того, что названо производящим существительным’ (*домные* – о колготках, в отличие от *гуляльных*).

Слово с суффиксом -АСТ- имеет значение ‘обладающий тем, что названо

производящим существительным⁷ и образовано по аналогии со словом *глазастый*, употребленным ребенком в этом же предложении: *Говорит игрушечному Пифу: Ты носастый и глазастый.*

Префиксально-суффиксальный глагол (1) *задверять* образован по продуктивной модели с помощью префикса ЗА- и суффикса -А- и имеет значение 'произвести действие с помощью предмета'.

Сложение слов (6). В речи Лизы 6 случаев сложения слов (*кабачок-огурец, домик-карманчик, волчица-слоница, огурец-молодец, кот-тигр, соснишки-братишки*). Подобные случаи не описаны в источнике, на который я опираюсь, но в переписке со мной С.Н. Цейтлин точно указала на модель, представленную в речи взрослых, обращенной к ребенку – *мышка-норушка, лягушка-квакушка* и т.п. Это тем более верно, что одна из любимых книжек Лизы в этом возрасте – «Теремок», изобилующая именно такими словами. В 2,1,3 Лиза, рассматривая эту книжку, говорит: *Я норушка-мышка*, – то есть переставляет компоненты, следовательно, осознает возможность их отдельности. В 2,1,4, разглядывая отдельные картинки, говорит об изображении акулы: – *Рыба. – Какая это рыба? – Акула-каракула. Помнишь книжечку про Бармалея?*

Эти шесть примеров разнородны. *Огурец-молодец, волчица-слоница* и *соснишки-братишки* (о двух березках, растущих из одного корня, которых я назвала сестричками) возникли, вероятно, из-за стремления к созданию рифмы. *Кабачок-огурец*, возможно, даже не является одним словом – эту единицу можно трактовать как существительное с однословным приложением типа *мать-старушка*, причем приложением является первое слово. Источник возникновения этого окказионализма – моя речь: я назвала слишком большой огурец в парнике *кабачком*, Лиза это охотно подхватила, повторила и запомнила. Здесь же компоненты переставлены – как и в случае, описанном выше. То же самое относится к окказионализму *кот-тигр*: сначала сказала о коте, потом о тигре: *Кот. Это тоже кот. Кот-тигр.*

Домик-карманчик (о пальце перчатки) – двойная метафора: в него прячут палец, как в карман, и одновременно он является домиком для пальца. Перечисленные примеры, вероятно, можно трактовать не как случаи словообразования, но воспринимались они мною как единое целое, а не отдельные слова.

Отдельно следует сказать о **суффиксальных глаголах, мотивированных междометиями (2)**: *мукает, мияет*. В «Русской грамматике» отмечаются подобные глаголы - со значением воспроизведения в звучании [4, с. 394]. Глагол *мукает* аналогичен глаголам *окать, якать, алёкать*. Что касается слова *мияет*, очень устойчивого в речи Лизы, оно, вероятно, было создано по аналогии с глаголом *лает*: *собака лает, а кошка мияет*.

Заменительная префиксация (3). Обратим внимание на то, что ребенком заменяются различные приставки:

Отстели кроватку – просит снять покрывало с дивана; Из ватрушки Лиза стала выковыривать изюминки, сказав: *Изюминки туда заковыряла бабушка*; Маленький щенок с петелькой на голове зацепился: *Как-то свесь (т.е. сними; от "повесь")*.

Выводы. Итак, словообразовательные модели лишь начинают осваиваться ребенком: количество словообразовательных инноваций невелико (82 от 1,9 до 3 лет, из них – 17 до 2 лет). Количество словообразовательных инноваций невелико еще и потому, что «созданное ребенком слово может совпасть по значению и по форме с уже существующим в языке, поскольку ребенок опирается на словообразовательный механизм данного языка, использует существующие в нем словообразовательные правила» [5, с. 294]. Отметим, что совпадать с существующими формами могут и формообразовательные инновации, поскольку ребенок опирается на общие формообразовательные правила. Однако - сравните: уже до двух лет в речи Лизы 54 формообразовательных инновации, причем примерно в равной степени субстантивных (30) и глагольных (24) [2, с. 66]; формообразовательные инновации в речи Лизы анализируются в [3].

Первые модели, осваиваемые ребенком еще до двух лет, – диминутивы и притяжательные прилагательные [об этом подробно см.: 1: 92-94, 5: 298-301]. Количество отсубстантивных окказионализмов преобладает над девербативами (более, чем в два раза), причем первые отглагольные инновации появляются позже, чем отсубстантивные (после двух лет).

Суффиксальным способом образовано 73% инноваций – в основном это существительные и прилагательные. Другие способы лишь начинают осваиваться ребенком. Инновации относятся к трем частям речи, и в этом отношении имеется некий баланс: количество существительных, глаголов и прилагательных приблизительно одинаково.

Перспективы дальнейшего изучения темы. Представляется перспективным изучение освоения других словообразовательных моделей данным ребенком после трех лет, а также исследование становления словообразования в речи других детей раннего возраста. Интересно также посмотреть, в каком возрасте инновации, заполняющие относительные языковые лакуны, заменяются нормативными словами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста / М.Б. Елисеева. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.
2. Елисеева М.Б. Развитие и взаимовлияние различных компонентов языковой способности ребенка раннего возраста (на материале лонгитюдного исследования) / М.Б. Елисеева // Путь в язык: Одноязычие и двуязычие. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 49-74.
3. Елисеева М.Б. Онтогенез субстантивных и глагольных единиц в речи ребенка до 2 лет: к вопросу о роли глаголов и существительных в усвоении ребенком морфологии / М.Б. Елисеева // X выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи». – Череповец. ФБГОУ ВПО «Череповецкий гос. университет, 2011. – С. 197-205.
4. Русская грамматика. – М.: АН СССР, 1980.
5. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С.Н. Цейтлин. – М.: Знак, 2009.